

CONNECTIONS

The Quarterly Journal

Том XIV, № 1

Зима 2014

Европейская и евразийская безопасность: точки зрения из России.....	1
«Возвышение» Китая глазами России: Источник угроз или новых возможностей?.....	3
<i>Анастасия Соломенцева</i>	
Россия и события «арабской весны».....	44
<i>Александр Высоцкий</i>	
Взгляд России на отношения с Грузией после выборов 2012 г.: последствия для региональной безопасности.....	70
<i>Николай Силаев и Андрей Сушенцов</i>	
«Цветные революции» и «Арабская весна» в российском официальном дискурсе.....	95
<i>Юлия Никитина</i>	
Политика России в эпоху перемен: внешние и внутренние факторы трансформации.....	113
<i>Денис Алексеев</i>	
Украинский кризис и его влияние на реализацию проекта создания Евразийского экономического союза.....	132
<i>Марина Лапенко</i>	
Передача власти в Центральной Азии и угрозы региональной стабильности	149
<i>Сергей Ю. Шенин</i>	

Передача власти в Центральной Азии и угрозы региональной стабильности

Сергей Ю. Шенин *

Нетрудно заметить, что на всем постсоветском пространстве преобладают авторитарные формы правления. Иногда более мягкие, иногда жестче. Москва, Астана, Минск, Душанбе, Ашхабад и далее практически повсеместно – правят странами «сильные личности», просвещенные и не очень. Даже современная Украина, которая и географически, и ментально немного ближе к Западу, продолжает колебательные движения между полюсами «демократия» и «авторитаризм». Правда, эти бесконечные колебания, в конечном итоге, ведут страну к гибели.

У авторитаризма есть свои несомненные плюсы, помогающие бывшим советским республикам найти и сохранить устойчивость на переходном этапе – используя авторитарные методы легче договариваться, контролировать и управлять. Население, при этом, не возражает против «сильных личностей», терпит их, не свергает, ибо они являются «спасителями отечества», что ненавязчиво подтверждается всеобъемлющей государственной пропагандой. Вся история, близкая и далекая, свидетельствуют о продолжающихся «происках заграницы», о бесконечном «враждебном окружении», о жизни в «осажденной крепости», о необходимости «напрячься с силами», «дать отпор» и т.д.

После Украины настроения «поддержать своего», «не дать в обиду» врагам «любимого лидера» в постсоветских авторитарных государствах только усилились – ужасы гражданской войны, инспирированной извне, не оставляют населению выбора. Оно безусловно поддержит «сильную личность» и не поддержит демократию, ибо результатов либерально-демократических реформ можно спокойно ждать, только если вас защищают два океана (как США) или у вас есть 800 лет в запасе после первого общественного компромисса (как в Англии).

Во всех постсоветских странах авторитаризм прикрывается для приличия прописанными в конституциях демократическими положениями и институтами, которые, правда, не работают (потому что глупо соблюдать законы в «период смертельной опасности»), а только в нужный момент демонстрируются мировому общественному мнению (например, где-нибудь на Генеральной ассамблее ООН).

Население постсоветских стран, конечно, понимает, что качество управления при авторитаризме достаточно низкое, а риски нестабильности, утраты баланса интересов в обществе и элите – высокие. И это минус. Еще более серьезный минус авторитарной формы правления, который на постсоветском пространстве до сих пор себя не проявил в полной мере, но который может поставить под угрозу

* Сергей Юрьевич Шенин, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского.

стабильность на всем евразийском материке, это отсутствие институтов передачи власти.

Действительно, смена власти в такой политической системе – это момент повышенной уязвимости, поскольку уходит старый и слабый президент, который не может контролировать процессы в стране как он хотел бы, а другой руководитель приходит, но он тоже слаб, пока не в состоянии контролировать государственную машину. Конкуренты в этот момент могут взять реванш и навязать передел ресурсов и собственности, например, под видом реформ. При этом те силы, которые пытаются режиссировать этот процесс политического транзита, сталкиваются с труднейшей задачей просчитать весь баланс сил с учетом традиционных кланово-родственных, родо-племенных и прочих отношений, что крайне сложно.

Соответственно, при такой уязвимости, процесс передачи власти осуществляется в обстановке абсолютной информационной закрытости, особенно в том, что касается здоровья первых лиц. Небогатая история наследования власти на постсоветском пространстве уже дала нам почти анекдотический пример – тот кто первый узнал о болезни президента Туркменистана (конечно же, министр здравоохранения), тот и унаследовал высший пост.

Пришедшие к власти новые силы обязательно начинают (как правило, под видом реформ) процесс радикального перераспределения ресурсов, потому что без этого сохранить власть просто невозможно. Однако такое перераспределение неизбежно смещает баланс сил и интересов как внутри элиты, так и внутри общества. Такие смещения часто затрагивают очень «слабые звенья» – на них может увеличиться нагрузка, что создает риск дестабилизации всей общественной системы. «Слабые звенья» есть в каждой стране (этно-религиозные, родо-племенные или клановые отношения, взаимодействие с соседями или великими державами, наличие сильных оппозиционных фигур и т.д.), и новые власти, как правило, не очень задумываются об угрозах, которые несет с собой такое перераспределение нагрузки. Они выпускают джина, рассчитывая, что, использовав его для победы, потом смогут загнать обратно в кувшин.

Конечно, ситуацию перехода можно было бы значительно разрядить и снизить риски (убрать совсем их нельзя), если бы существовали четкие условия транзита, принимаемые элитой и обществом (по крайней мере, его большинством). Поскольку все страны Центральной Азии являются «демократическими», то законы, регламентирующие процедуру передачи власти, прописаны во всех конституциях. Как правило, они ориентируются на стандарты, принятые в странах Запада.¹ Однако, было бы удивительно, если бы в условиях правового нигилизма, неспособности жить по законам, именно эта часть законодательства свято соблюдалась. На это рассчитывать невозможно. В действительности, в этих странах сложилась практика, когда тот, кто сможет привлечь большие ресурсы в момент передачи власти (внутренние, внешние, информационные, финансовые,

¹ Ерден Назаров, *Казахстан после ...* (Алматы: Студия «Вектор», 2013).

силовые), тот и получит вожделенный пост (хотя, надо еще раз подчеркнуть, что это отнюдь не последний этап перехода: как отмечалось, пытаясь перераспределить ресурсы, можно дестабилизировать страну и потерять результаты победы). Поэтому, несмотря на наличие в странах Центральной Азии законодательно оформленных процедур властного транзита, он проходит везде по-разному, в зависимости от привлекаемых ресурсов и с учетом факторов дестабилизации.

Например, Киргизия – страна нестабильная, подвержена инфекции «оранжевых революций», здесь процесс передачи власти не устоялся, может состояться в любой момент и принять самые разнообразные формы. Тем не менее, здесь уже формируются традиции демократических выборов и межкланового консенсуса, что в среднесрочной перспективе внушает оптимизм. В Туркмении Г. Бердымухамедов слишком мало времени провел в кресле президента, чтобы задумываться о формах ее передач (правда, в 2006 г. он сам заложил традицию не соблюдения закона, когда был арестован спикер сената – законный наследник Туркменбаши). Таджикский президент Э. Рахмон уже двадцать лет у власти, но он находится еще в хорошей физической форме и готовит династический вариант передачи власти наследникам (его плюсом является наличие у Рахмона сыновей – в Центральной Азии это не менее важно, чем в Азербайджане).

Однако в Казахстане и Узбекистане, двух ключевых странах региона, ситуация иная, более острая и злободневная. У местных руководителей времени осталось очень мало – оба в преклонном возрасте, оба не имеют сыновей, что исключает простой династический вариант политического транзита, здесь нет прецедента передачи власти наследникам (оба лидера руководят странами еще с советских времен). Кроме того, это очень населенные, поликонфессиональные и мультиэтнические страны, где при организации перехода надо учитывать множество факторов. Наконец, последствия неудачного транзита для региональной (и глобальной) стабильности могут быть более серьезными, более болезненными, чем дестабилизация в тех же Киргизии, Таджикистане или Туркмении (особенно в случае передачи власти по «оранжевому» варианту или «арабской весны».²

Узбекистан имеет тридцатимиллионное население – самое большое в регионе. Узбекская диаспора – самая большая в России. У руководства этой страны, в первую очередь, президента Ислама Каримова, самые сложные отношения с исламистами, как внутренними (Хизб-ут-Тахрир), так и внешними (Исламским движением Узбекистана и его наследниками). Большинство наблюдателей считает, что решение проблемы наследования власти в этой стране может оказать огромное влияние на стабильность как внутреннюю, так и внешнюю (особенно, принимая во внимание доминирующие черты региональной политики И. Каримова – изоляционизм, гегемонизм, агрессивность).³

² Евгений Сатановский, «Дестабилизация Центральной Азии. Повторение “арабской весны” на южных границах России более чем возможно», *Военно-промышленный курьер* 6(524), 9 февраля 2014, доступно на <http://vpk-news.ru/articles/19189>.

³ Там же.

Ислам Каримов более 25 лет руководит Узбекистаном. Ему 76 лет, по слухам в марте 2013 г. он перенес обширный инфаркт. Оппозиции в стране нет (даже исламской), претендентов на престол тоже нет – приближенные, включая родственников, боятся даже сформулировать свои президентские амбиции, поскольку из тех, кто пытался о них заявить, не все успели добраться до границы.⁴ В обществе вопрос о наследовании власти официально не обсуждается. А неофициально главным претендентом считается старшая дочь И. Каримова Гульнара, позиции которой последнее время сильно пошатнулись, в том числе и в глазах отца.⁵

В Конституции страны указано, что смена власти в Узбекистане должна произойти «при невозможности исполнения обязанностей действующим президентом» (очень расплывчатая формулировка, здесь отсутствует, например, очень важное понятие «добровольная отставка»). Временным президентом на три месяца при этом становится глава сената (по конституции 2010 г., ст. 96 в редакции Закона РУз от 18.04.2011).⁶ Однако мало кто сомневается, что в случае необходимости назначен будет другой человек, тот, который устроит лично И. Каримова.

Лояльность, преданность нового руководителя страны нынешнему президенту является ключевым фактором смены верховной власти, поскольку формулировка ухода в отставку не предполагает смерть президента. Возможно Каримов рассчитывает еще долгое время, может быть, постепенно, поэтапно отходить от дел, а это сформирует очень большую степень его зависимости от временного преемника, который сможет серьезно влиять на выбор будущего постоянного лидера. Конечно же, надо принимать во внимание, что кроме своих личных интересов, нынешний президент думает также об интересах семьи (две дочери) и клана (самаркандско-бухарский). Наконец, можно не сомневаться, что Каримов ищет приемлемую схему наследования в интересах стабильности и безопасности всей страны, что неотделимо от интересов семьи и клана.

Одновременно, все понимают, что одни только легальные механизмы наследования, особенно под полным контролем самого Каримова, не смогут дать надежной легитимации нового президента-преемника. Поэтому он хотел бы, конечно, подкрепить легальный механизм приемлемыми для большинства населения Узбекистана династийным принципом престолонаследия. Об этом говорит, например, его долгая и терпеливая поддержка амбиций старшей дочери – Гуль-

⁴ Сергей Долгов, «Кто унаследует Узбекистан?», *Эксперт* 14 (8 апреля 2013), доступно на <http://expert.ru/expert/2013/14/kto-unasleduet-uzbekistan>; Алексей Малашенко, «Узбекистан: транзит пока не виден» (М.: Московский центр Карнеги, 2014), 3–4, http://carnegieendowment.org/files/CP_Uzbekistan_web_Rus2014.pdf.

⁵ Даниил Кислов, «Узбекистан: Власть Каримова не дает трещин», *Фергана. Информационное агентство*, 20 February 2014, доступно на www.fergananews.com/articles/8059.

⁶ Ерден Назаров, «Правила передачи власти в странах Центральной Азии», *Хроника Туркменистана*, 24 июля 2013, доступно на <http://www.chrono-tm.org/2013/07/pravilapredachi-vlasti-v-stranah-tsentralnoy-azii>; Александр И. Черкасов, *Глава государства и правительство в странах современного мира (Конституционно-правовое регулирование и практика)* (М.: Издательство «Экзамен», 2006), 222 с.

нары. Однако, поскольку вся ее деятельность оказалась дискредитирующей (как в отношении семьи, так и государства), президент, как представляется, все же отказался от идеи организовать престолонаследие по женской линии (хотя есть еще младшая дочь, но она вряд ли согласится стать преемницей – ей больше нравится заниматься коммерцией, пусть даже очень сомнительной).⁷

Отсутствие наследников по мужской линии заставляет президента думать о том, чтобы передать власть надежным людям из окружения. Правда, это будет не очень легитимно, ибо конституционной процедуре избрания нового главы государства явно не будет хватать демократического содержания. Самыми серьезными претендентами на наследование власти президента на данный момент являются несколько человек.

В первую очередь, это самый доверенный человек И. Каримова, руководитель Службы национальной безопасности (СНБ) Узбекистана Рустам Иноятов. Правда, есть сомнения в том, нужен ли ему самому пост президента – вполне возможно, что его устраивает роль «серого кардинала», всесильного руководителя госбезопасности. Если так, то Иноятов сможет поддержать первого вице-премьера, министра финансов Рустама Азимова, который, в целом, придерживается прозападного вектора внешней ориентации страны и пользуется поддержкой не самого сильного «ташкентского» клана.

Азимову может составить конкуренцию премьер-министр страны Шавкат Мирзияев, который пользуется большим доверием президента (они оба принадлежат к «самаркандско-бухарскому» клану), но во внешней политике премьер сориентирован на Москву (если, конечно, принять во внимание его дальнородственные связи с российским миллиардером А. Усмановым).⁸

Приход к власти нового, не очень легитимного президента может не устроить конкурентов внутри элиты. Не исключено, что формой сопротивления могут стать исламистские протесты. Однако это не очень опасно, поскольку Каримов жесточайшими репрессиями практически подавил исламское движение в стране – оно сейчас очень ослаблено и загнано глубоко в подполье. Соответственно, местные исламисты вряд ли смогут воспользоваться моментом транзита. Однако, если следующий президент будет не таким жестким, как Каримов, то они смогут «поднять голову», и со временем идеи «исламской справедливости» могут стать более популярными. Однако сегодня узбекские исламисты из движений Хизб-ут Тахрир, Акромийя и Исламия сами не в состоянии изменить политическую ситуацию в стране – им нужен внешний детонатор.⁹

Этот внешний детонатор, как все хорошо знают, существует давно, еще с конца 1990-х гг., и называется он Исламское движение Узбекистана (ИДУ). Именно тогда ИДУ пыталось проникнуть в Узбекистан из Афганистана через территорию Таджикистана и Киргизии. После этого ИДУ потеряло своих лиде-

⁷ Малашенко, «Узбекистан: транзит пока не виден», с. 5-7.

⁸ Долгов, «Кто унаследует Узбекистан?»; Малашенко, «Узбекистан: транзит пока не виден», с. 8–10.

⁹ Малашенко, «Узбекистан: транзит пока не виден», 15.

ров и распалось на ряд группировок, самыми заметными из которых являются Союз исламского джихада и Исламское движение Туркестана (ИДТ). Тем не менее, они все готовы сегодня единым фронтом вновь двинуться на Узбекистан, для чего оттачивают свое военное мастерство в Сирии, воюя на стороне фундаменталистской оппозиции.¹⁰

Однако успех прорывов ИДТ и местного радикал-исламистского восстания в кратко- и среднесрочной перспективе маловероятен, ибо то, что было едва-едва возможно в 1999 г., уже невозможно в современных условиях. Реакцией на такого рода события должно стать резкое вмешательство ШОС, которая и была создана для отражения подобных угроз. Соответственно, Москва и Пекин, под предлогом необходимости борьбы с исламским фундаментализмом (который распространяется, как они считают, в рамках концепций «центрально-азиатской весны», «дуги нестабильности», «управляемого хаоса» и т.д.), получают возможность радикально усилить свои позиции в Центральной Азии, стать гарантами стабильности региона. Конечно, у Москвы и Пекина нет сильных лобби в Ташкенте, но они вполне могут обойтись при необходимости и без лоббистов.¹¹ Естественно, что геополитические оппоненты России и Китая явно не готовы предоставить им такой удобный предлог.

Поэтому, скорее всего, исламского восстания в Узбекистане не будет, ибо США и ЕС хорошо понимают риски с этим связанные и, особенно, в контексте уроков, полученных на Украине. Для США Ташкент – только временный партнер на время выхода из Афганистана.¹² А Каримов, в свою очередь, всегда умел выбрать правильную дистанцию в отношениях с Вашингтоном: так, после событий 11 сентября 2001 г. он блестяще сыграл свою партию, выиграв сотни миллионов долларов экономической и военной помощи, а в 2005 г., после Андижана, не побоялся полностью переключиться на Москву.

Тем не менее, появляющаяся в процессе вывода афганского контингента США возможность вбить клин между РФ и Китаем является слишком большим соблазном для Вашингтона. Поэтому, зная повадки «лисы Каримова», США постараются создать сильные привязки к своей политике, например, за счет передачи Ташкенту части используемого в Афганистане американского оружия. Эти привязки, в совокупности с внешним давлением через исламские движения, могут сработать в среднесрочной перспективе (через 5–7 лет), когда, не исключено, «операция преемник» может стать достаточно актуальной.

С другой стороны, период политического транзита в Узбекистане, когда он случится, вряд ли повлияет на ухудшение ситуации на таджикском направлении. Тяжелые отношения между Душанбе и Ташкентом во многом проистекали из личных антипатий Э. Рахмона и И. Каримова, поскольку последний, помогая первому прийти к власти, рассчитывал на полное понимание таджикского кол-

¹⁰ Долгов, «Кто унаследует Узбекистан?».

¹¹ Andrew E. Kramer, “Rumors About Uzbekistan Leader’s Health Set Off Succession Debate,” *The New York Times*, 7 April 2013, A14.

¹² Там же.

леги. Рахмон, однако, сумел воспользоваться противовесами в лице Москвы и Вашингтона, чтобы проводить независимую региональную политику. В целом, личностный характер конфликта и возможность взаимной нейтрализации факторов потенциального обострения (например, Ташкент может использовать железнодорожную блокаду в ответ на водно-энергетическое давление Душанбе) наводит на мысль, что преемник Каримова не будет использовать этот фактор для дополнительной «консолидации нации».¹³

В целом, риски попадания в зону очередной «весны», «оранжевой революции», либо исламского «возрождения» с неизбежным подавлением последнего со стороны партнеров по ШОС, угрожают Узбекистану ослаблением независимости и усилением контроля со стороны либо Востока, либо Запада. Хотя в Ташкенте, как указывалось, есть сторонники всех внешнеполитических направлений, в такой ситуации – в момент транзита – местная элита, скорее всего, будет вынуждена искать компромиссную фигуру, которая смогла бы сохранить межклановый баланс сил и существующие экономические порядки («туркменский вариант» наследования власти). В противном случае (т.е. если не будет найден консенсус), внутренние противоречия обострятся, их постараются использовать внешние силы, и при наличии в стране «пятой колонны» исламистов и региональных соседей-конкурентов Узбекистан вполне может ждать «украинизация». Маловероятно, что существующая элита допустит такое развитие событий.

В Казахстане ситуация с возможным периодом политического транзита заметно отличается и по своей структуре, и по потенциальным последствиям для региональной стабильности. Казахстан – это огромная по территории и богатейшая по природным ресурсам (особенно, углеводородным) страна. Она является членом Евразийского союза и сильно зависит от Москвы, одновременно, имея противовес в экономике в виде колоссальных китайских инвестиций, а также присутствия западных корпораций.

Большую часть семнадцатимиллионного населения страны составляют казахи при стремительном сокращении русскоязычной его части (с 40 % в 1991 г. до 20 % в 2014 г.). Светский характер власти не подвергается сомнению, оппозиция в основном «карманная», управляемая. Исламисты существуют (та же Хизб-ут Тахрир), но не имеют поддержки в обществе и шансов стать реальной политической силой (только в случае каких-либо неожиданных социальных катаклизмов). Огромные доходы от продажи углеводородов позволяют безумно богатой элите надеяться на «эффект просачивания», который должен стабилизировать социальную ситуацию в стране.

Проблема наследования власти в Казахстане с каждым годом становится все более актуальной, поскольку президенту РК (с 1990 г.), а также «лидеру нации» Нурсултану Назарбаеву уже 74 года, и слухи о его плохом здоровье активно циркулируют в СМИ. В отличие от Ислама Каримова казахстанский президент не стесняется говорить о проблеме передачи власти публично. Особенно револю-

¹³ Долгов, «Кто унаследует Узбекистан?».

ционно прозвучало его телевизионное выступление 4 июля 2013 г., во время которого Назарбаев настаивал, что для прихода нового лидера должна быть построена устойчивая политическая система.¹⁴ В существующую систему он, получается, не верит.

Действительно, в Казахстане отсутствуют институционально-правовые механизмы передачи власти, а значит, и сохранения существующего политического курса. В Конституции РК прописан общий юридический механизм замещения главы государства в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств. В частности, указывается, что последовательность передачи власти в случае досрочного прекращения полномочий президента (досрочное освобождение, отрешение по болезни, в случае государственной измены или смерти) выглядит следующим образом: первый претендент – председатель Сената, затем идет председатель Мажилиса и, наконец, премьер-министр. Преемник должен оставаться на посту весь оставшийся срок президентства.¹⁵ Естественно, что выборы нового президента при отсутствии политической межпартийной конкуренции неизбежно превратятся в формальность, одобряющую и подтверждающую предложенную нынешним президентом кандидатуру. В честные выборы никто в стране не верит.

Соответственно, Назарбаев, как может, пытается создать такую систему преемственности, которая не ударила бы по интересам семьи, клана, элиты и национальной стабильности. Однако, имея возможность превращения с помощью механизма выборов любого человека в президента, президент столкнулся с проблемой выбора, с одной стороны, компромиссной, а с другой стороны, более легитимной кандидатуры.

Максимальная легитимность будущего президента в глазах большинства населения заставила Назарбаева долгое время размышлять над вопросом о соотношении современных и архаических традиций в казахстанском обществе. В первую очередь, надо было учитывать факторы самоидентификации казахов на основе принадлежности к племенам и их объединениям – жузам, но, особенно, к потомственной линии «чингизидов», которые являются высшими и законными правителями государства и всей Великой степи.

Не являясь «чингизидом» (хотя и являясь представителем Старшего жуза), Нурсултан Назарбаев, как считают некоторые исследователи, сделал ставку на старшую дочь Даригу и ее мужа, якобы чингизида, Рахата Алиева. Сыновья от их брака могли получить идеальную легитимизацию в глазах казахского населения. Особенно удачным считался вариант, когда старший внук Назарбаева, Нурали, к 2020 г. (т.е. когда ему исполнится 35 лет) смог бы занять кресло президента, решив труднейшую задачу совмещения современных требований демократии и традиционных представлений о принципах ее наследования. Однако у Рахата

¹⁴ International Crisis Group, *Kazakhstan: Waiting for Change*, Asia Report No.250, 30 September 2013, p. 21.

¹⁵ Назаров, «Правила передачи власти в странах Центральной Азии».

Алиева не выдержали нервы, он поспешил объявить о своем участии в выборах и, в результате, в мае 2007 г. был вынужден бежать из страны.¹⁶

Поскольку эта схема не сработала, Назарбаев стал искать другой план. В новом плане легитимация должна была достигаться тем, что у президента появились прямые наследники – сыновья от третьей тайной жены Асель Исабаевой. Старшему из сыновей, Тауману, правда, на сегодняшний день только 9 лет, и Нурсултан Абишевич явно не сможет оставаться у руля управления страной до момента исполнения ему 35 лет. Но если найти верного преемника в качестве временного президента, который мог бы управлять и выполнять роль регента, то схема восхождения Таумана на престол современного Ханства в 2040 г. (а может и раньше – Конституция в Казахстане вещь достаточно гибкая) может сработать.

Ситуация в Казахстане с претендентами оказалась очень похожей на узбекскую, а именно: кто сам проявит инициативу и предпримет самостоятельные шаги к президентству, сразу вылетит с дистанции – примеры Рахат Алиев и Даниал Ахметов тому красноречивое подтверждение.¹⁷ Поэтому из верных соратников Назарбаев рассматривает кандидатуры только тех, которые молчат и демонстрируют предельную лояльность, в частности, премьер-министра Карима Масимова, акима Астаны Имангали Тасмагамбетова, заместитель КНБ Самата Абиша.

К. Масимов – наиболее доверенное и близкое к Назарбаеву лицо, однако, многие подчеркивают, что он уйгур по национальности и такому президенту не будет доверять общество. У Тасмагамбетова свой минус – он представитель чуждого для Назарбаева жуза. А вот Самат Абиш может стать, по мнению большинства наблюдателей, «становым хребтом» формирования новой ханской династии Назарбаевых.

В казахстанской традиции существует обычай, когда после смерти главы рода, каковым сегодня является Н. Назарбаев, его молодая вдова, Асель, становится женой одного из прямых родственников, в данном случае его племянника, нынешнего заместителя председателя Комитета национальной безопасности Самата Абиша. Соответственно, сыновья главы рода сохраняют перспективы престолонаследия, поскольку остаются в семье по линии отца.¹⁸ Привести Абиша к власти очень легко, выдвинув его кандидатом в президенты через механизм правящей партии «Нур Отан». По сообщениям многих казахских экспертов, данная кандидатура была согласована в Москве.

¹⁶ Олег Ю. Маслов, Александр В. Прудник, «Казахстан до и после 2020 года», *Независимое аналитическое обозрение*, 9 июля 2007, доступно на: <http://www.polit.nnov.ru/2007/07/09/chingizid>.

¹⁷ Лейла Храпунова, «Главный сценарий Назарбаева – передача власти сыну», *Ablyazov.org*, доступно на <http://www.leila-khrapunova.com/publications/lk-31/>.

¹⁸ «Казахстан после ... Казахстан без Назарбаева: момент истины», *Central Asia Monitor*, 8 августа 2014, доступно на <http://camonitor.com/12738-kazakhstan-posle-kazakhstan-bez-nazarbaeva-moment-istiny.html>.

Таким образом, на данный момент Назарбаев предлагает следующую схему наследования власти в случае форс-мажорных обстоятельств: сначала временный президент (председатель Сената), потом официально избранный президент-регент (С. Абиш), который будет «греть трон», и только потом, возможно к 2040 г. «наследный» принц, старший сын Назарбаева (Тауман Нурсултанулы) взойдет на престол. Если схема начнет работать, то она, своей прямолинейностью, неспособностью перестраиваться может стать дестабилизирующим фактором, детонатором для тех дремлющих процессов, которые сегодня лишь слегка раскачивают фундамент казахстанского общества.

Из внешних факторов важнейшими являются соседние (и не очень) могущественные державы. В Москве, как отмечалось, к Назарбаеву относятся как к ближайшему союзнику, важнейшему элементу реализации евразийских планов Кремля и поэтому схему с Саматом Абишем в целом приняли, поскольку получили гарантии его преданности делу интеграции. В Пекине, как представляется, проблемой наследования в Астане не очень интересуются, ибо уверены, что западный сосед никуда от Китая не денется в любом случае: интеграция экономик СУАР и Казахстана достигла очень высокого уровня и вообразить себе смельчака, который бросит вызов этим процессам, в Поднебесной не могут.

Однако с особой заинтересованностью к проблеме наследования власти в Казахстане относятся западные инвесторы, которые к настоящему моменту успешно приспособились к очень запутанным местным условиям, где царят патронаж и коррупция. Соответственно, они очень боятся, что если Назарбаев не сможет выполнять свою роль «успешного посредника», то правила игры, которые многие инвесторы хорошо выучили, могут измениться. К другим рискам существующей власти иностранные инвесторы относят такие факторы, как недиверсифицированная экономика, чрезмерная бюрократизация, непредсказуемый налоговый режим. Исчезновение в таких условиях с политической сцены 73-летнего Назарбаева неизбежно разрушит статус кво и окончательно оставит зарубежных инвесторов без гарантий и защиты.

На Западе признаются, что Назарбаев очень удачно выполняет роль «высшего арбитра» привилегированного доступа элиты к капиталу и власти, к которому она обращается в случае конфликта между конкурирующими группами. Поэтому внутренний баланс сил поддерживается нынешним президентом достаточно надежно. Замена «арбитра» может привести к большой войне между внутренними группами, и поэтому на Западе не хотели бы ускорять и усложнять процесс замены лидера. В крайнем случае, хотелось бы максимально сохранить существующий баланс сил, и наиболее приемлемым, простым вариантом западным инвесторам представляется передача власти дочери президента Назарбаева – Дариге. То, что по неофициальным опросам общественного мнения она занимает

только седьмое место в списке симпатий избирателей, не является большим препятствием при современном уровне развития электоральных технологий.¹⁹

Внутри крайне неустойчивой политической среды уже зреют и другие элементы дестабилизации. Например, трудовые конфликты в Западном Казахстане, которые были начаты нефтяниками в Мангистау, в Жанаозене. Нефть и газ являются главным «топливом» казахстанской экономики, но, в то же время, неспособность элиты поделиться углеводородными доходами с населением страны является главной проблемой Астаны. Соответственно, бедные слои общества, если их политически мобилизовать, могут представлять серьезную угрозу любому лидеру, который унаследует власть от Назарбаева.

Кроме того, протест в Жанаозене выявил скрытый и очень опасный племенной раскол между казахами. Поскольку территория Западного Каспия традиционно контролировалась адайцами, составлявшими ядро племенного союза Байулы Младшего Джужа, то они постоянно различными путями пытались сопротивляться разграблению природных ресурсов региона бюрократами центральной власти, которые представляли другие племенные объединения, прежде всего Старший жуз. В конечном итоге, адайцы, отличавшиеся особой воинственностью, сумели мобилизовать рабочих на протесты, которые закончились расправой, но которые также внесли дополнительное напряжение в отношения между жузами, что не способствует выработке компромиссных схем наследования.²⁰

Национализм в Казахстане потенциально очень силен, и хотя власти Казахстана пока избегают обращаться к казахскому национализму в контексте отношений «титульной нации» с этническими меньшинствами, существует опасность, что преемник Назарбаева может к нему прибегнуть, чтобы укрепить свои позиции среди этнических казахов. Некоторые оппозиционные группы уже сейчас пытаются использовать этот инструмент, что ускоряет отток наиболее активного и квалифицированного русскоязычного населения из Казахстана. Эта тенденция очень опасна, поскольку может пойти вразрез с выбором будущего Казахстана, в первую очередь, «евразийской интеграции» в рамках Таможенного союза и ЕАС.

Эти факторы нестабильности могут оказаться еще более опасными, чем кажутся на первый взгляд, если принять во внимание возможности для расшатывания ситуации со стороны конфликтующих с режимом и находящихся в изгнании олигархов, в первую очередь, Мухтара Аблязова и Рахата Алиева. Располагая огромными средствами, они создают и финансируют антиправительственные СМИ, а также используют дискредитирующие сведения, которые собирали, находясь во властных структурах Казахстана.

¹⁹ Kramer, “Rumors About Uzbekistan Leader’s Health Set Off Succession Debate”; “Kazakhstan and Uzbekistan: Intimations of mortality. Two of Central Asia’s strongmen and their daughters ponder succession,” *The Economist*, 6 April 2013, www.economist.com/news/asia/21575826-two-central-asias-strongmen-and-their-daughters-ponder-succession-intimations-mortality.

²⁰ Ф. Визлмини, «Выясняется, что Казахстан нестабилен», *inoСМИ.ru*, 23 января 2012, доступно на http://inosmi.ru/middle_asia/20120123/183778418.html.

Здесь необходимо упомянуть и о том, что в 2010–2012 гг. по Казахстану прокатилась волна насильственных акций. Хотя вначале считалось, что это дело рук обычных уголовников, постепенно власти признали, что их организовали группы религиозных экстремистов с целью дестабилизировать страну. Здесь, в первую очередь, называют организацию Джунд аль-Халифа («Солдаты Халифата»). Тем не менее, надо сказать, что на наш взгляд, ни эта организация, ни Хизб-ут Тахрир, не смогут выступить в роли мобилизатора массового недовольства и направить его в русло широких протестов. В целом, в Казахстане нет базы для создания религиозного государства. Отдельные (в том числе и террористические) акции религиозной оппозиции могут сыграть дестабилизирующую роль только в транзитные моменты ослабления центральной власти, что надо обязательно учитывать в контексте разработки схем наследования.

Таким образом, при внешнем благополучии Казахстана, ситуация с передачей власти, с политическим транзитом и его влиянием на региональную стабильность здесь хуже, чем, например, в Узбекистане. Отсутствие ясных, пусть даже сомнительных, с точки зрения современных образцов законодательства, путей передачи власти, и вместо этого попытка придерживаться явно нежизнеспособных в долгосрочной перспективе ориентиров и схем наследования, может сыграть роль детонатора для многих существующих в обществе факторов нестабильности.

Неочевидность реальных угроз со стороны внутреннего или внешнего религиозного фундаментализма (не считая рисков террористического, несистемного характера) не способствует объединению усилий Москвы и Пекина в этой стране с целью избежать рисков, связанных с передачей власти, особенно учитывая, что Россия и Китай в целом имеют в Казахстане разные цели и задачи.

Запад, особенно США, в процесс наследования власти и могущие возникнуть на этой основе осложнения вмешиваться не будут по нескольким причинам. Во-первых, Казахстан, практически, не участвует в выводе американских войск из Афганистана; во-вторых, опасаться за положение углеводородных корпораций также нет оснований – ни один новый руководитель РК не станет резать «куруцу, несущую золотые яйца»; в-третьих, активное вмешательство может повлечь за собой жесткую, возможно, совместную реакцию Москвы и Пекина.

В целом, фактор наличия преемника-регента делает намечающийся потенциальный раскол казахстанского общества по племенным и социальным линиям более вероятным, чем по религиозным. Вероятность консенсуса внутри правящей элиты в отношении пост-назарбаевского устройства власти также снижается. Несмотря на одобрение схемы наследования В. Путиным, она может в какой-то степени зафиксировать существующую ситуацию в краткосрочной перспективе, но не будет способствовать объединению казахов, без чего невозможны абсолютно необходимые стране реформы. Риски властного транзита в Казахстане будут усиливать неустойчивость общества в целом, что неизбежно негативно скажется на региональной стабильности: отношения с соседними центрально-азиатскими странами будут ухудшаться, а с державами – становиться

более запутанными. Соответственно, поддерживать долгое время успешную при Назарбаеве многовекторную внешнюю политику Астане не удастся.

В целом, в Узбекистане и Казахстане никакое реформирование в транзитный период не будет возможно, а деятельность переходных фигур будет нацелена на сохранение и воспроизводство существующей в их странах системы распределения власти и богатства. Инспирированных из-за рубежа потрясений скорее всего удастся избежать (в силу имеющихся заинтересованных внешних гарантов – России и Китая), но возможные социальные потрясения (особенно в Казахстане) в среднесрочной перспективе могут негативно повлиять на региональную стабильность.

Литература

Kazakhstan and Uzbekistan: Intimations of mortality. Two of Central Asia's strongmen and their daughters ponder succession. *The Economist* (2013).

Kazakhstan: Waiting for Change In Asia Report. International Crisis Group, 2013.

Rumors About Uzbekistan Leader's Health Set Off Succession Debate. *The New York Times*(2013): A14.

Виэлмини, Ф.. *Выясняется, что Казахстан нестабилен*. inoСМИ.ru, 2012.

Долгов, Сергей. "Кто унаследует Узбекистан?" *Эксперт* 14 (2013).

Казахстан после ... Казахстан без Назарбаева: момент истины. *Central Asia Monitor*(2014).

Кислов, Даниил. *Узбекистан: Власть Каримова не дает трещин*. Фергана: Информационное агентство, 2014.

Малашенко, Алексей. *Узбекистан: транзит пока не виден*. Москва: Московский центр Карнеги, 2014.

Маслов, Олег Ю., and Александр В. Прудник. "Казахстан до и после 2020 года." *Независимое аналитическое обозрение* (2007).

Назаров, Ерден. "Правила передачи власти в странах Центральной Азии." *Хроника Туркменистана* (2013).

Назаров, Ерден. *Казахстан после* Алматы: Студия «Вектор», 2013.

Сатановский, Евгений. "Дестабилизация Центральной Азии. Повторение "арабской весны" на южных границах России более чем возможно." *Военно-промышленный курьер* 6 (2014).

Храпунова, Лейла. *Главный сценарий Назарбаева – передача власти сыну*. Ablyazov.org, 2013.

Черкасов, Александр И. *Глава государства и правительство в странах современного мира (Конституционно-правовое регулирование и практика)*. Москва: Издательство «Экзамен», 2006.